

Благодарю Рысь и Лунь за то, что не дали этой идее пылиться в столе.

Благодарю Паука за неоценимую помощь в вопросах психиатрии.

Благодарю Медведя за бесконечно ценные советы касательно вооружения и всего, с ним связанного. А также за то, что всегда был рядом.

Благодарю свою маму и бабушку за то, что всегда верили в меня.

Я люблю вас!

ГЛАВА 1, в которой все идет не по плану

Этим утром я была готова ко всему. К наводнению, к зомби-апокалипсису, к тому, что вызванное мною такси попадет колесом в открытый ливневый колодец посреди пробки на центральной улице. К тому, что мне придется, сняв любимые лодочки и подвернув штанины, идти почти по лодыжки в воде через недовольно гудящую автостраду. Я была готова даже к тому, что мой телефон может внезапно разрядиться, и купила заранее «банку», которая лежала пока не востребованной в моей сумке. Сегодня будет мой день, что бы ни думал про это весь окружающий мир!

Бизнес-план в непромокаемой папке я прижимала к себе правой рукой, столь же крепко держала ремешок висящей на плече сумки левой, попутно вцепившись в ручку зонта. Добравшись до спасительного сухого островка, коим оказался табачный павильон, я зашла внутрь, сложив зонтик, наткнулась на жалостливый взгляд стоявшей за прилавком продавщицы и, получив молчаливое одобрение, разложила свои вещи на свободном столике. За ним было принято стоя глотать растворимый кофе, запивая пирожок рублей за семьдесят, теперь же он стал хранителем моих туфель, на которые я откладывала аж целых два месяца, и того, что обещало мне долгожданное продвижение по службе.

— Может, вам того, кофейку? — Женщина за прилавком решила проявить сочувствие, и сегодня я была даже благодарна ей за это, посчитав добрым знаком.

— Ой, нет, спасибо, мне нельзя... — Сделав очень грустное якобы от этого факта лицо, я подумала, что если уж я выпью местный напиток, который по какому-то недоразумению назывался кофе, то мне действительно ничего больше будет нельзя. Я достала из сумочки телефон, набрала, не глядя, заученный номер подруги и, подождав долгие два гудка, услышала заветное «ну, я же говорила».

— Ну, я же говорила. — Оля, или Оливия Адамиди, как ее именовали некоторые клиенты, конечно, не была никакой потомственной греческой провидицей. Но вот что у нее было не отнять, так это чуйку на разного рода неприятности. Очевидно, именно это (а также диплом психолога, живой ум и бойкий язык) позволило ей стать весьма востребованной в сфере навешивания лапши на уши. Сама Оля, зная мое скептическое отношение ко всей этой магии, не настаивала и не пыталась меня ею заинтересовать, лишь загадочно хмыкая, однако к ее советам я предпочитала прислушиваться. К сегодняшнему дню меня готовила именно она.

— Да-да, я знаю, — обреченно ответила я ей, становясь поочередно в позу журавля и снимая промокшие капроновые гольфы.

— И где ты?

В трубке послышался выдох. Оля курила длинные, тонкие и темные сигареты, которые делала сама из какого-то заказываемого за тридевять земель табака. Курила одну за другой, не переставая. Я словно наяву ощутила этот тяжелый терпкий запах, окутывающий мою подругу, будто вуаль, и поморщилась, пытаясь сообразить, куда же я «выгребла». Озвучив предполагаемый адрес, а затем и точный, с которым помогла продавщица, я услышала в трубке задумчивое хмыканье и, кажется, постукивание острых ноготков по столу. А потом «жди» и короткие гудки прерванного звонка.

Тяжело вздохнув, я положила телефон на столик и принялась вытирать бумажными платками ступни, пристроившись на табуретке, которую мне милостиво предложила эта неумолимо приближающаяся в моих глазах к лику святых продавщица табачного киоска. Промокшие и порвавшиеся за мой путь по автострадному морю гольфы были безжалостно отправлены в мусорку — в сумке у меня было целых две пары.

А еще лейкопластырь, бинт, дорожный швейный набор, косметичка, даже запасной лифчик и еще одна белая блузка, если вдруг с моей что-то случится по дороге.

Поджав ноги под себя, я сидела на табуретке в табачном киоске, смотрела в окно, за которым лил дождь, гудели никуда не едущие машины, и надеялась, что Оля, как всегда, сотворит свое маленькое чудо и сможет сделать так, чтобы я добралась до пункта назначения.

Через пятнадцать минут, когда моя вера в подругу начала чуть-чуть, самую-самую малость давать трещину, дверь киоска открылась, и в него втиснулся здоровенный, облаченный в джинсы и кожаную куртку мужик, похожий на страшный сон любого предпринимателя из девяностых. Из-под тяжелых бровей он окинул меня мрачным взглядом, от которого хотелось сильнее вжаться в табуретку, а еще лучше — слиться со стеной. В павильончике, что, оказывается, успел стать для меня весьма уютным и почти родным, сразу стало тесно и словно бы потемнело.

— Давай быстрее, я тут на тротуаре припарковался.

Я не сразу разобралась, что это басовитое ворчание, которое издал новый посетитель табачки, адресовалось мне, потому мужчина, переступив с ноги на ногу, тяжело вздохнул, посмотрел на продавщицу, которая решила передислоцироваться за кассовый аппарат, и, протянув ко мне свою ручищу, просто сдернул меня с табуретки.

К этому я была не готова.

Истошно заорав, я со всей силы колошматила его свободной рукой, а когда этот бугай вдруг закинул меня на плечо, впилась зубами в единственное, что было мне доступно, — в его ухо. Мужик взвыл, нецензурно выругавшись, и стряхнул меня обратно на табуретку.

— Ты больная, что ли?! — Прижав ладонь к уху, на котором остался очень явный и наливающийся кровью след от моих зубов, бугай навис надо мной, гневно сопя и закрывая мне собой весь белый свет. — Меня Оля послала, баба ты сумасшедшая. Собирай свои шмотки и пошли, довезу тебя куда надо. Связался же с истеричкой... — Я еще ошарашенно моргала, когда этот «посланник» вышел на улицу под дождь, ругая меня на чем свет стоит. Медленно до меня начало доходить, а ко-

гда через полминуты на экране телефона высветился номер Оли, я наконец поняла, что она это сделала. Оля сотворила чудо.

— Ты зачем Илью укусила, мать? — Голос подруги просто искрился весельем.

— Да он... а я... — только и смогла выдавить я из себя, чувствуя, как багровою от стыда.

— Ладно-ладно, давай собирай вещи и бегом в машину, и не трясись так, Илюша — добрейшей души человек. Ветеринаром работает, между прочим. Все, отбой связи, помогла, чем смогла, а дальше ты сама.

Так быстро собиралась я последний раз только на школьную дискотеку, когда узнала, что первый красавчик нашей параллели уже дважды отказал моей сопернице в танцах. А ведь казалось, что все уже было потеряно!

Пробормотав слова благодарности выглядывающей из-за кассы женщине, я босиком, прижимая к груди туфли, сумку и папку с документами одной рукой и держа зонтик над головой второй, вылетела из павильона и сразу увидела хмурого Илью, сидящего не в новом, но заслуживающем уважения «туксоне», рассматривающего свое пунцовое ухо в отражении. Заметив меня, мужчина сделал страдальческое лицо и кивнул, мол, быстрее давай. Я безропотно залезла на заднее сиденье автомобиля, где оказалось не только просторно и сухо, но чисто и тепло.

— Простите... — Собрав мужество в кулак, я подняла глаза и встретила с насмешливым взглядом в зеркале заднего вида. — Простите! Но вы сами хороши, кто ж так пугает... — Отведя взгляд, я снова почувствовала предательский румянец. Нашла чего пугаться, ну надо же было сопоставить одно с другим: звонок Оле и появление неизвестного мужчины на машине.

— Да ладно, расслабься. Хотя укус у тебя что надо, чуть не отгрызла мне ухо, а с этим еще ни одна собака не справилась. — В другое время я бы возмутилась такому сравнению, но... Нервный смешок, вырвавшийся из моего рта, поразил даже меня. А затем я рассмеялась так, как не смеялась уже давно, всхлипывая от ощущения спадающего напряжения и по-

нимая, что теперь-то я точно смогу осуществить все задуманное.

Илья тоже улыбался, очевидно, за укушенное ухо меня уже простили. Мне было жутко интересно, за что же такое он задолжал Оле, что поехал в страшный ливень на Садовое кольцо, но я решила спросить об этом потом у подруги.

— Ну что, едем, боевой воробей? — Мужчина снова посмотрел в зеркало заднего вида и завел машину, а я, судорожно достав зеркальце из сумки, поняла, что действительно напояла больше воробья, чем претендентку на должность финансового директора крупного модного дома.

— Едем, — уверенно ответила я, называя адрес и чувствуя, как под урчание двигателя машины в меня возвращается былая вера в собственные силы.

И мы поехали.

Если бы меня так вез тот злополучный таксист, высока вероятность, что я потребовала бы остановить уже через пару минут и предпочла бы пешком добираться до заветных небоскребов. Но вера в Олю и человека, которого она мне прислала, была столь велика, что я лишь пристегнулась ремнем безопасности и, крепко сжимая в руках расческу, принялась наводить порядок на голове, наблюдая за окном тот изобретательный маршрут проулков, дворов и пустых тротуаров, которыми перемещался автомобиль.

Прошло немногим больше часа, а мы были уже на месте. До назначенной встречи оставалось еще двадцать минут, и мне было очень тяжело скрыть наползающую улыбку. Дождь к этому времени все же закончился, и из-за серых туч вылезло робкое весеннее солнце, ласково пригревающее мне плечи даже через тонкий пиджак. Сердечно попрощавшись с Ильей и еще раз извинившись за ухо, я, прихватив свои вещи, вспорхнула на крыльцо офисного здания, одарила нежнейшей улыбкой охранника и, пикнув пропуском, оказалась внутри.

Мельком брошенный на отражение в зеркальной стене взгляд подтвердил, что мой облик идеален, а я сама — воплощение делового стиля и элегантности. Приветливо поздоровавшись с парой знакомых моделей, что покидали здание, и думая о том, насколько они удивятся, когда «Эля из бухгалте-

рии» превратится в Элеонору Рудольфовну, финансового директора дома моды «Вермина», я поднялась на лифте на пятнадцатый этаж и прошла в приемную исполнительного директора. За столом секретаря было пусто, хотя разложенные документы и еще исходящая паром чашка чая намекали, что Илона отошла куда-то совсем недавно. С секретарем босса отношения у всех незамужних и молодых дам были натянутые — Илона работала с Виктором Сергеевичем уже пять лет и с точки зрения трудолюбия и хватки была прекрасным помощником, если бы не ее маниакальное желание выйти замуж за него или кого-то из его партнеров — ей бы цены не было. Впрочем, судя по всему, цены ей действительно не было, потому как у нее хватало мозгов не совершать никаких откровенно глупых поступков, а по слухам, что блуждали в бухгалтерском отделе, ее эффектная внешность все же давала свои плоды, и вроде бы с кем-то из совета директоров она даже ходила на свидания.

Вздыхнув, я вспомнила, каких трудов мне стоило наладить с Илоной отношения. Она была далеко не глупа — одна из тех женщин, которые откусят тебе руку по самое плечо, стоит только дать палец. Я бы даже восхищалась ею, если бы не ее мания с замужеством. Впрочем, мои долгие и упорные труды по установлению с ней более-менее доверительных отношений увенчались успехом — Илона сама подсказала мне, что босс велел информировать кадровый отдел о необходимости найма нового финансового директора после того, как старый был тихо, но с позором изгнан за несколько не крупных, но все же незаконных денежных махинаций в свою пользу. Секретарь босса даже намекнула, что была бы не прочь, если бы в этом «пропитанном одеколоном и сигарами мире» у нее появилась союзница. И вот я здесь, а Илона...

Червячок беспокойства вновь зашевелился внутри. Я посмотрела на часы: оставалось десять минут до встречи. Поднявшись, я походила перед кабинетом, чьи тяжелые деревянные двери были закрыты, и, наконец убедившись, что лифт стоит где-то внизу, а на всем этаже, кроме меня, нет ни души, прильнула к двери шефа ухом, мучаясь от угрызений совести и любопытства.

— ...удача — не наш профиль. Нужен точный расчет. — Голос Виктора Сергеевича спутать с кем-то было тяжело.

— Конечно, я понимаю. План предоставлю к совету директоров, не сомневайтесь, — ответил шефу незнакомый мне мужской голос.

План?! Совет директоров?! Я отпрянула от двери, словно обжегшись, чувствуя, как предательская тошнота подкатывает к горлу. Что же делать? Открыть дверь и войти самой или...

Дверь открылась, и из кабинета, держа поднос в руке, вышла Илона с тем самым хищным взглядом охотницы, наметившей себе цель. Увидев меня, она округлила глаза, прикрыла за собой дверь и вдруг выдала сочувствующую улыбку.

— Солнышко, давай я тебе кофейку сварю? — Теперь я точно понимала, что весь мой план пошел коту под хвост.

— Илона, что... — Я собрала волю в кулак и уже более уверенно договорила: — Что происходит?

— А происходит, моя кисонька, то, что шеф уже нашел себе нового финансового директора... — Илона вздохнула и села за свой стол, не сводя с меня взгляда карих глаз.

— Я зайду? — Сжав зубы, я кивнула на дверь шефа. Секретарь, мгновение подумав, вдруг улыбнулась хищно и белозубо и, нажав кнопку на телефонном аппарате, промурлыкала:

— Виктор Сергеевич, к вам Элеонора Рудольфовна. — И, моментально убрав пальчик с кнопки, кивнула мне: — Давай, хуже не будет точно, а ты, я вижу, готовилась. Сумку тут оставь.

Глубоко выдохнув, я, бросив сумку на диванчик и набрав воздуха в грудь, как пловец перед прыжком, решительно повернула ручку двери и вошла в кабинет. На меня пристально смотрели две пары глаз: шеф вопросительно, но доброжелательно, и незнакомый мужчина, сидевший в кресле напротив начальника, облаченный в строгий серый (мышинный, как я мстительно сразу окрестила этот цвет) костюм, черноволосый и сероглазый. Может быть, я бы в другое время и заинтересовалась им, но сейчас он был для меня врагом номер один, и никаких чувств к нему, кроме гнева, я не испытывала.

— Элеонора, рад вас видеть. Что-то случилось?

— Мне было назначено, Виктор Сергеевич, — ответила я и заметила, как шеф чуть посмурнел и внезапно неловко отвел

взгляд. — Собеседование на должность финансового директора, помните? — продолжила я с напором в голосе и положила свою папку перед ним на стол.

— Ах да, конечно, Элеонора, конечно, я помню. — Виктор Сергеевич покосился на папку, потом взял ее в руки и вопросительно посмотрел на меня: — Это?..

— Это — мой бизнес-план. Я подготовила его к совету директоров, вы можете сразу посмотреть на мои предложения и оценить меня как кандидата.

— О, даже так. — Шеф с интересом взглянул на меня, а сидящий напротив него мужчина хмыкнул, чем снова привлек внимание моего начальника. — Элеонора, это очень ответственно, я горжусь, что у меня работает такой инициативный сотрудник с таким серьезным подходом к вопросу, но...

— Но? — подтолкнула я босса к продолжению, скрещая руки под грудью.

— Но я уже предложил это место Артуру Максимовичу, и он...

— А он представил вам бизнес-план? — Я метнула острый взгляд на вольготно устроившегося в кресле мужчину, который даже не подумал оторвать свой зад и предложить место даме.

Босс чуть склонил голову к плечу, с любопытством смотря на меня, и наконец ответил:

— Нет, не представил.

— Тогда посмотрите то, что я подготовила. Ведь должность финансового директора предусматривает ответственный подход к делу и точный расчет.

Виктор Сергеевич пристально смотрел на меня, потом перевел взгляд на Артура. Мужчина пожал плечами.

— Позвольте мне, в крайнем случае, я исправлю ошибки и выпишу Элеоноре премию за то, что она чуть облегчила мне работу.

Зеленая папка переместилась в руки этого мерзавца, а я, с трудом сдержавшись от скрежета зубов, стараясь сохранить спокойное лицо, отчеканила:

— Я против использования моего плана кем-то, кроме меня. Тем более против, чтобы кто-то что-то в нем исправлял.

— Элеонора, мне жаль, но вопрос с назначением Артура Максимовича уже решен. — Шеф посмотрел на меня сочувствующе и примирительно поднял вверх правую ладонь. — Я сам посмотрю ваш план. Артур, верните его мне на стол, спасибо. И если он действительно хорош — дам вам недельный отпуск и премию за упорный труд. Поймите меня правильно, совет директоров гораздо лучше воспримет Артура на этой должности, ведь он...

— Мужчина, — закончила я за Виктора Сергеевича, и тот, помедлив, кивнул.

— Я не только это хотел сказать, но и это тоже. Ты сама же все понимаешь. Давай отдохни. Я скажу Илоне, она отправит информацию об отпуске и премии сегодня же. Выпей кофе, съешь пирожное, думаю, бухгалтерия недельку поживет без заместителя главного бухгалтера... — Последние слова я слышала уже как в тумане. На негнущихся ногах я вышла из кабинета шефа, под пристальным взглядом Илоны села на стул возле ее стола и самым позорным образом разрыдалась.

— Та-а-ак... — протянула она, покосилась на экран на всплывшее уведомление корпоративной почты, а потом, решительно встав, крепко взяла меня за локоть, и уже через минуту я умывалась холодной водой в туалете под пристальным взглядом секретаря. — Ты даже не думай этот фокус повторять здесь, поняла? Ну, вот вроде умная, смелая девушка, а развела нюни в нашем серпентарии. — Идеальным французским маникюром Илона оттарабанила замысловатую дробь по белому фаянсу раковины. — Не вышло сейчас — выйдет потом. Людям свойственно ошибаться...

Многозначительно приподняв бровь, она самолично оторвала мне бумажное полотенце, потом — вручила мою сумку, которую успела прихватить по дороге с дивана, и, сообщив, что уведомление о приказе на отпуск и премию уже пришло ей на почту, посоветовала ехать домой.

— Напейся, поплачь, проспись. А потом потрать премию на то, что ты давно хотела. Познакомься с кем-нибудь, в конце концов, а то все работа да работа.

— Да не хочу я мужика, я так долго шла к этому, а он, этот хлыщ... он руки к моему плану тянул! — Злость, охватившая меня, досушила остатки слез, и я, сжав кулаки, посмотрела в

зеркало на отражение Илоны. Та театрально прикрыла глаза ладонью, а потом фыркнула и потянула меня за руку в сторону выхода из дамской комнаты.

— Все, выкинь это из головы. Найдешь другой способ реализовать свои амбиции, а пока — марш отсюда и не появляйся тут в отпускную неделю, проветри голову и получи удовольствие от жизни. Ну или хотя бы вспомни, как это делается.

В голосе Илоны послышались смешливые нотки, она подтолкнула меня от двери туалета в сторону лифта, и, уже нажимая на кнопку вызова, я обернулась к ней:

— Дай сигарету, пожалуйста, а?

Недоуменное выражение лица было мне ответом, а потом, словно что-то вспомнив, она кивнула, вытащила из кармана брюк тонкий золотистый портсигар и кинула мне.

— Лови! Портсигар вернешь через неделю! Удачи, солнышко!

Двери лифта закрылись за мной, увозя на первый этаж. В глазах снова предательски заципало, но я, сжав портсигар в ладони, закусила губу и, проморгавшись, нашарила в сумке телефон.

Я не верила во всю эту магическую чепуху, но Оля никогда не ошибалась! И сегодня должен был быть, с ее слов, знаковый день для меня. День, который перевернет мою судьбу и станет началом новой, успешной жизни! Набрав номер подруги, я помедлила со звонком, представив, что будет, если я сейчас опять разревусь в трубку, и потому нажала на кнопку вызова, только когда уже миновала турникеты и стояла на крыльце.

Прижатый к плечу телефон гудел, а я еще дрожащими пальцами открывала портсигар, в котором лежали четыре темные тонкие сигареты, немного похожие на те, что курила Оля. Поняв, что у меня нет зажигалки, ведь сама я эту «прекрасную» привычку бросила уже очень давно, я посмотрела по сторонам и, найдя взглядом охранника, жестами показала, что хочу прикурить. Странно, что от Илоны пахло каким-то другим табаком, но, возможно, это просто была старая пачка, или у нее было два портсигара? Да какая разница... Струйка дыма вырвалась из моего рта, обжигая губы непривычной уже

горечью, как раз тогда, когда в трубке раздался знакомый голос:

— Ну как все прошло?

— Хреново, Оля. Хреново. — Мрачности моего голоса могли позавидовать горгульи на парапете известного собора. — Где-то ты просчиталась с сегодняшним днем.

— Исключено, — категорически отвергла этот вариант Ольга, и я почувствовала закипающую внутри злость.

— Исключено? Когда я приехала, в его кабинете сидел мерзкий мужик, которого уже приняли на мою должность! — Сигарета, крепко сжатая пальцами, не выдержала напора и сломалась, осыпаясь крошками табака, а я, сделав резкую затяжку, не целясь, швырнула ее в стоящую поблизости урну.

— Что ты куришь? — В голосе подруги появились странные железные нотки, которыми она взбесила меня еще больше. С каких это пор я должна была перед ней отчитываться? С чего вдруг я вообще поверила во всю эту мистическую чушь про совпадение звезд и энергий, ждала сегодняшнего дня, вместо того чтобы отнести готовый еще в начале недели план на стол начальника и получить вождеденное повышение?

— Кровь девственниц, настоящую на рогах черного козла! — рявкнула я в трубку и сбросила вызов, едва подавив желание швырнуть телефон на выложенное мрамором крыльцо.

Меня трясло. От обиды, от злости, от упущенных возможностей. Дождавшись такси, я закинула сумку на заднее сиденье и рухнула рядом, закрывая глаза и откидывая голову.

— Плохой день?..

— Везите молча, — обрубил я желание таксиста поговорить, даже не удосужившись посмотреть, кто меня везет.

Машина тронулась, и я, приоткрыв глаза, безучастно смотрела в окно на проплывающий мимо городской пейзаж. Внезапно нахлынувшая апатия поглотила все бушевавшие во мне эмоции, словно бы оставив без сил. Телефон в руке завибрировал, высвечивая номер подруги. Помедлив, я все же ответила.

— Эва, пожалуйста, выслушай меня, а еще лучше — приезжай ко мне. Только не злись! — Голос Ольги звучал обеспокоенно и умоляюще, и я, вздохнув, буркнула в телефон, что еду. Она всегда называла меня только Эвой с самого первого мо-

мента нашего знакомства, отвергая Элю и все производные от моего имени.

Подняв взгляд на таксиста, я несколько мгновений изучала его, а потом, все так же не желая общаться, просто поменяла в приложении точку назначения. Пиликнувший на приборной панели телефон высветил обновленный адрес, мужчина, посмотрев на него, молча развернул машину, выбирая новый маршрут.

Уже поджав ноги в любимом кресле в квартире Оли, я, вдыхая мягкий аромат жасминового чая с кардамоновой ноткой и нежась в ласковом полумраке комнаты, думала, что очень зря сорвалась на подругу. Сама Оля, сидя напротив в чем-то излюбленно рабочем, напоминающем древнегреческий костюм, сложила ноги на кофейный столик, демонстрируя в разрезе юбки сложную, уходящую куда-то выше, на бедро, татуировку в мифологическом стиле, курила свою сигарету и очень пристально смотрела то на меня, то на огонь небольшой жаровни, стоящей рядом с ее ступнями.

Отхлебнув чаю, я вздохнула, прерывая повисшую тишину, и подруга, вопросительно посмотрев на меня, тут же ответила:

— Да, я все еще вижу этот день таким, каким сказала тебе. Удачным, поворотным в судьбе, твоей отправной точкой в новую жизнь.

Встав, подруга беспокойно заходила по комнате: от занавешенного тяжелыми изумрудными шторами большого окна до светло-бежевой стены, что всегда напоминала мне песок на далеком и теплом пляже. Я пила чай, наблюдала за ее перемещениями и за тем, как она все больше и больше раздражается, запускает пальцы в длинные, почти до щиколоток, волосы и массирует голову, словно пытаясь избавиться от мигрени. Наконец Оля остановилась, резко обернулась ко мне, и я почувствовала некоторую оторопь: будучи вполне в своем уме и памяти, я могла бы с уверенностью сказать, что у моей подружки светились глаза!

— Ол-ля-а?.. — Я выставила вперед недопитую кружку с чаем, будто бы она могла меня защитить. — Ты себе линзы купила флуоресцентные для впечатлительных клиентов?

— Что? А, не важно! Где та дрянь, которую ты курила? Она еще при тебе? — Я кивнула и, сунув руку в сумочку, сразу на-

щупала портсигар и протянула его Оле. Выхватив его, она одним движением пальца откинула тугую крышку, скривилась, точно увидела что-то омерзительное, распахнула шторы, открыла окно и вытряхнула через него все содержимое.

— Какая мерзость! — Закрыв окно и оставив шторы незадернутыми, подруга вернула мне портсигар, а после — подошла к стоящему рядом с окном мраморному столику, заставленному стеклянными банками разной прозрачности. Уверенно открыв одну из них, она вытащила веточку какого-то растения и, кинув ее в жаровню, удовлетворенно кивнула. Я молчала, настороженно наблюдая за подругой. Свечения радужки я больше не замечала, а на глазах успокаивающаяся Оля снова устроилась в кресле напротив меня, перекинув волосы через плечо, и закурила.

— Чего ты там про глаза говорила? — наконец спросила она, вопросительно прищурившись на меня через молочный дымок, исходящий от камина и смешивающийся с дымом ее сигареты.

— А, да мне показалось, что светятся. — Я нервно хихикнула и уткнулась в чашку с чаем.

— Ты же не веришь во всю эту мистификацию, — передразнила меня подруга и рассмеялась, а потом ткнула пальцем мне за спину. — За твоей спиной на стене зеркало, за моей спиной — источник света, а на мне — линзы. Светоотражающие, заказала у одного умельца за бешеные бабки, и, судя по всему, не зря, раз уж даже ты впечатлилась. Зеркало отражает свет мне на лицо, если я сижу ровно и смотрю прямо в него. А линзы отражают его обратно.

— Круто, — кивнула я, подумывая, как бы у подруги тут кто не отправился в мир иной, узрев, как очи «провидицы» вдруг начинают светиться. Хотя наверняка смысл в этом всем есть, уж Оля отлично понимает, когда нужно нагнать таинственности и «магии», раз зарабатывает своими пророчествами много лет. — А сигареты зачем выкинула? — спросила я, допив чай и чувствуя, что окончательно успокоилась и обрела столь необходимое душевное равновесие.

— У меня такие бывший муж курил, ненавижу этот запах, за километр его чувствую. — Оля вздохнула, а я сочувствующе покивала головой. Олиного мужа я не застала, но, судя по

тем коротким и емким характеристикам, которые я услышала о нем за годы нашей дружбы, он был тем еще засранцем и конченным эгоистом. Как угораздило Ольгу связаться с таким человеком, я не особо понимала, а сама она лишь ответила широко известной фразой про любовь и козла.

— Слушай, а давай закажем ужин? Есть хочу — не могу! Заодно, может быть, придет мне что-то дельное насчет всей этой ситуации с твоим хмырем.

Я снова кивнула.

Следующую пару часов мы болтали ни о чем, уминали принесенную курьером пиццу, открыв под это дело вытащенную из шифоньера бутылку вина. Я, переодевшись в одну из Олиных безразмерных туник, из кресла перебралась на удобную софу и, полулежа на ней и поглощая вино, чувствовала себя если не греческой богиней, то где-то очень близко — обстановка крайне к этому располагала. Постепенно усталость прожитого дня взяла свое, и моя полулежачая поза превратилась просто в лежачую, а затем я уснула.

Проснувшись глубокой ночью, я оглядела пустой зал, освещенный лишь тлеющими в стоящей на столике жаровнице углями, и, решив, что мне вовсе незачем беспокоить уже наверняка спящую подругу и я прекрасно выплюсь на мягкой и уютной софе, спустила стопы на пол, намереваясь взять стакан воды. И тут же забралась с ногами обратно, судорожно вглядываясь в темноту пола: я была уверена, что моей щиколотки только что коснулась змея, но Оля никогда не держала у себя дома даже кота, не то что такую экзотическую тварь. Могло ли мне показаться? Я с трудом расцепила собственные пальцы, впившиеся в колени, и попыталась перевести дух: змеи были моим страхом с самого детства. Даже роскошный кошелек из змеиной кожи, который мне, молоденькой восемнадцатилетней студентке, привез в подарок из Таиланда дядя, я отдала маме, с трудом приняв тогда дорогое изделие в руки.

— Оля? — робко позвала я в темноту, повернув голову в сторону спальни, и вдруг мой взгляд упал на зеркало. И в зеркале я увидела себя, сидящую на софе, а за мной — женский силуэт. Вместо ее лица была темнота, но я отчетливо видела два желтых змеиных глаза, смотревших на меня из этой темноты. Она протянула ко мне руку с острыми когтями, и я за-

кричала, пытаясь вскочить с софы, но не чувствуя в себе сил сделать это, словно бы мое тело обратилось в камень.

Сильный удар по лицу я почувствовала до того, как действительно проснулась, задыхаясь от ужаса и ощущая, как саднит горло от крика.

— Эва, Эва, очнись! — Оля крепко прижимала меня к софе одной рукой, а второй, видимо, готова была отвесить мне очередную пощечину. — Эва, это я!

Испуганное лицо подруги белело в темноте, такое знакомое, родное и обычное, что я, не выдержав, разрыдалась.

Оля крепко прижала меня к себе, глядя по волосам и приговаривая, что это был всего лишь страшный сон. Потом, когда рыдания стихли, она отодвинула меня и, крепко держа за плечи, строго потребовала рассказать, что мне приснилось.

И я рассказала. По мере рассказа лицо подруги смурнело, она принялась нервно сплетать волосы в косу, перекинув ее через плечо, и кусать губы. Я заикалась, зная, что сейчас придется вспомнить ту женщину-змею, которую видела, но Оля меня остановила. Резко встав, она принялась доставать из ящичков свечи, расставлять по всей комнате и зажигать одну за другой. Я следила за ней, притихшая и напуганная своим сном, не до конца понимая, что же она хочет сделать.

— Наши сны подчас иррациональны. Но они отражают то, что нас действительно беспокоит. Вцепляется, словно крючьями, в наше сознание. То, что бродит так глубоко в тебе, что ты сама никогда не сможешь вытащить наружу без чьей-то помощи. Сядь сюда лицом ко мне. — Тонкий палец Оли властно указал на небольшую банкетку, что стояла перед зеркалом. Тем самым, в котором я видела свой кошмар. Я отрицательно замотала головой, вцепившись пальцами в свои колени.

Оля вздохнула и снова села рядом со мной.

— Послушай, это был всего лишь сон. Ты не одна, я рядом с тобой, и ничего плохого не произойдет. Ты же не веришь в магию, и никогда не верила.

Я, закусив губу, кивнула и, чувствуя, как у меня предательски дрожат колени, села на банкетку, ощущая идущий от висящего на стене зеркала холод. Сейчас я уже не была так уверена в своем воинствующем неверии в сверхъестественное.

— Хорошо, молодец. — Оля оттащила кресла из центра комнаты, отодвинула журнальный столик, поставила кругом семь мелких курильниц, а потом принялась наполнять их какими-то травами, и я, беспокойно покосившись на это, робко осведомилась о том, чем она собралась меня окуривать.

— Не тебя, а себя, это раз. А два — ты себя и так уже окурила, только я и подумать не могла, что тебя так ночью вштырит, — припечатала подруга, а я поняла, что она говорит про выкуренную мною сигарету из тех, что дала Илона.

— То есть этот сон, он из-за той сигареты? В ней был какой-то наркотик? — Я судорожно размышляла о том, почему Илона дала мне их. Неужели я все же обманулась на ее счет и ее хорошее ко мне отношение всегда было лишь маской?

— Нет, ну не совсем нет, но по большей части. Сигарета это только... оформила. Ох, не отвлекай меня, я отвечу на все твои вопросы после. — Оля устраивалась на полу, усаживаясь напротив меня, распуская волосы и поджигая чаши с углем и травами.

— После чего?

Белый дым взметнулся под потолок семью столбами.

— После того, как ты посмотришь мне в глаза.

Я вскинула голову и устремила взгляд на подругу так быстро, насколько только была способна. И утонула в желто-зеленом свете ее глаз.

Я стояла посреди поля, хмельная от запаха цветущих трав.

— Не оборачивайся. — Спиной я ощутила спину подруги и кивнула. — Расскажи мне, кого ты видела?

Набрав воздуха в грудь, я на одном дыхании рассказала про странную женщину с глазами змеи в зеркале, а потом вдруг поняла, что от испуга не обратила внимания на одну важную деталь.

— Оля, я только сейчас поняла, что там отражалась не я. Там была другая девушка, очень похожая, но с другой прической и одетая совсем по-другому.

Я чуть повернулась, думая посмотреть на подругу, но она дернула меня за руку с другой стороны, заставляя стоять ровно.

— Точно? Ты уверена?

— Да. — Я прокручивала в голове сон, что все еще отдавался холодом в животе, но с каждым мгновением моя уверенность лишь укреплялась.

— Что ты видишь сейчас?

— Цветущее поле. Очень много цветов, и они так сладко пахнут...

— Жаль, значит, нужно действовать очень быстро. Стой на месте и делай то, что я скажу. И молчи!

Ольга предвосхитила мои вопросы, и я, с трудом пытаюсь удержаться от того, чтобы посмотреть через плечо, замерла.

За спиной зазвучал шепот на непонятном мне языке, а я стояла и смотрела на колышущиеся от ветра цветы. Красные, желтые, они пахли так сладко, что кружилась голова. Я поняла, что не чувствую температуры воздуха и не ощущаю прикосновения лучей солнца, хотя солнечный свет был буквально повсюду.

Кажется, Оля все-таки обкурила меня по второму кругу. Я едва сдержала смехок, но продолжила стоять, вдыхая полной грудью пьянящий аромат цветов и чувствуя, как словно бы становлюсь все легче и легче...

— Обернись.

Я, чуть покачнувшись, повернулась всем телом и даже не смогла поднять руки, чтобы заслониться от летящего в грудь ножа.

Боли не было. Ольга, глядя на меня серьезным, сосредоточенным взглядом, с хрустом провернула нож в моей груди, вздохнула и поцеловала в лоб.

— Не бойся, ты справишься. Это и есть твоя отправная точка. Мы постараемся тебя найти.

И мир погас с моим последним вздохом, когда я упала в это дурманящее море цветов.

ГЛАВА 2

О вреде пьянства и поспешных решений, а также о переселении душ

Я лежала в постели, не открывая глаз, и думала, что вчера взяла лишку. То ли так повлиял дым от курильницы, то ли вино, которое мы в итоге выпили больше, чем одну бутылку, но

такие красочные мультики (пусть и немного пугающие, не каждый день увидишь собственную смерть!) я смотрела только в младшей школе.

Протяжно зевнув, я вдруг поперхнулась и взвыла от боли в груди, там, куда во сне подруга ударила ножом. Распахнув глаза и машинально прижав к солнечному сплетению ладонь, я вдруг поняла, что вовсе не дома у Оли. Убрав руку, я увидела, что никакого смертельного ранения под ней, конечно, не оказалось, но сама я облачена в какую-то несуразную ночную рубашку до пят и лежу в огромной высокой кровати с балдахином, достойной очередного фильма про страдающее Средневековье. Впрочем, оглядев комнату, в которой оказалась, я поняла, что вопрос со Средневековьем спорный; ну разве что, может быть, ранее...

Чем я только не увлекалась в студенческие годы, и реконструкторство, а именно — шитье костюмов и выгул их на исторических фестивалях, занимало в те годы едва ли не большую часть моего свободного времени. Я находила что-то очаровательное в том, чтобы окунуться на пару дней в эпоху прекрасных дам и их рыцарей или во времена, когда Англии досаждали викинги. Примеряла и сама образ суровой воительницы, причем, исключительно на костюмированных выступлениях — в бой, как некоторые дамы, я не совалась, было откровенно страшно. И сейчас, осматривая комнату и вороша в памяти все знания, что были мной почерпнуты за тот продолжительный и бурный период молодости, я поняла, что слюдяные пластинки в узких окнах и обшитая деревом комната указывали, скорее всего, именно на раннее Средневековье. Однако товарищи-реконструкторы явно схалтурили — под потолком висел вполне современный полусферический плафон из матового стекла, а у противоположной стены стояло антикварного вида, но все же — трюмо с вполне чистым зеркалом, насколько я могла судить, сидя на кровати.

Потирая ладонью солнечное сплетение, которое все еще странно ныло, я спустила ноги с постели и, решив более внимательно осмотреть затянутую сумраком комнату, поискала глазами переключатель. На видном месте его нигде не было, кажется, чтобы не пихать на стену совсем уж современный атрибут, тут просто поставили «умную» лампу. Дабы увериться

в своих размышлениях, я хлопнула в ладони, выжидающе глядя на потолок, и, сначала тускло замигав, лампа через мгновение засветилась ровным приятным дневным светом, мерцая, словно бы внутри парила золотая пыль. Полюбовавшись необычным светильником, я, подтянув левой рукой слишком длинную ночную рубашку (а кто меня вообще переодевал?!), прошлепала босыми ступнями по деревянному же полу, внимательно рассматривая комнату. Камин, вокруг которого была предусмотрительно оставлена каменная кладка, тлел еще теплыми углями, и я, мимоходом взяв со стоящей рядом кованной дровницы аккуратное полешко, сунула его в топку. Меня заинтересовало антикварное трюмо, явно из настоящего дерева, украшенное изысканной резьбой, а вблизи выяснилось, что еще и металлической всечкой. Серебристые узоры на деревянной поверхности сплетались в причудливые картины, на которых парили дивные птицы, скакали прекрасные кони и росли невиданные растения. Водя пальцами по этому мебельному чуду, я глянула в зеркало и почувствовала, как сердце предательски пропустило удар. Сев на придвинутый к трюмо стул, я оперлась на спинку, не сводя взгляда с отражения, потом — ущипнула себя за руку и, вскрикнув, с еще большим шоком уставилась в зеркало.

Из него на меня смотрела девушка, настолько похожая на меня, что, если бы не ее длинные волосы, заплетенные в толстую косу, против моего асимметричного каре, которое я всегда делала, и отсутствие маленького, почти незаметного следа от сделанного в юности пирсинга правой брови — я бы сама могла обмануться. Я подняла руку — отражение идеально повторило мой жест. Опасливо наклонившись ближе, я рассматривала свое «не свое» лицо в зеркале. Оно было моложе. Волосы гуще, я бы даже сказала, роскошней, была бы у меня такая шевелюра — я бы ее тоже не обрезала. А вот светлые ресницы, которых явно не касалась краска, почти сливались с бледной кожей, непорядок. Губы менее яркие, натурально-розовые, без татуажа, который я делала в прошлом месяце. Кожа светлее, родинка под правым глазом чуть сдвинута к виску. Откинувшись обратно на спинку стула, я посмотрела на пальцы и уже не удивилась короткому обрезному маникюру вместо привычного мне френча.

Итак, кто же я?

Я снова оглядела комнату, понимая, что это никакая не реконструкция, а мой сон — вовсе не сон. Голова шла кругом, и я, подавив желание нервно хихикнуть, сделала глубокий вдох и ме-эдленно выдохнула. Потом еще раз и еще раз, пока не почувствовала, что способна трезво рассуждать.

Встав со стула, я ощупала себя, прошлась по комнате от двери до слюдяного окна, чувствуя, что и двигаюсь теперь немного иначе, даже хожу другой походкой. В окно не было ничего видно, и оно ожидаемо не открывалось.

Сев на край кровати, я задумалась, ощущая, как пальцы, словно бы на автомате, потянулись теревить кончик пшенично-платиновой косы. В этот момент дверь с тихим скрипом отворилась, в образовавшуюся щель робко заглянула женщина неопределенного возраста, курносая, темноглазая и в чепчике, живо напомнившем мне готовую к взлету чайку.

Надеюсь, мне такое носить не придется?..

— Госпожа, вы уже проснулись?

Ладно, я — госпожа, это уже неплохо. Осталось понять — чем именно я повелеваю. И кем, кроме этой женщины, видимо.

Я кивнула, молча смотря на заглядывающую в мою (?) комнату служанку.

— Мне подать вам воду для умывания? Распорядиться о завтраке? Повеста Виала еще не проснулась, мне разбудить ее? — Ворох вопросов высыпался на меня, и я, твердо решив не повторять стандартных ошибок всяких разных попаданок, книжки про которых я читала в то же время, когда шила костюмы, величественно кивнула.

— Поддай воду, завтрак пока не нужно, будить тоже никого не надо.

— Слушаюсь, госпожа. — Женщина скрылась за дверью, притворив ее за собой. А я выдохнула — первый контакт успешно состоялся. Очевидно, что с новым телом мне передались какие-то знания-умения, потому как у меня не возникло проблем с речью и ее пониманием. Более того, постаравшись вдруг определить, на каком языке я думаю и отличается ли он от моего родного, я поняла, что не могу. Ради интереса я попыталась выдать пару базовых фраз на английском и с легкой

оторопью поняла, что вслух произношу совсем не то. Видимо, предыдущая обладательница этого тела знала еще какой-то язык, который и заменил его собой.

Пока я предавалась размышлениям о своих лингвистических способностях, дверь в комнату снова отворилась, и уже виденная мною женщина вошла внутрь, неся в руках охапку полотенец и какие-то склянки, а за ней своим ходом и без всяких видимых дополнительных приспособлений парила по воздуху огромная бадья с водой.

Приплыли. Или это какой-то суперразвитый мир, жители которого по собственной прихоти маскируются под предания былой старины, или тут есть магия. И почему мне упорно кажется, что вероятнее второй вариант?

Служанка прикрыла за бадьей дверь, а затем коснулась невзрачного кулона, висевшего поверх простенького суконного платья цвета дубовой коры. Бадья плавно начала опускаться вниз, и только когда ее основание коснулось пола, женщина убрала от украшения руку.

— Извольте, госпожа. — Я, встав, подметила, что служанка ведет себя спокойно, сдержанно, уверенно и доброжелательно. Очевидно, что она давно «меня» знала. Подойдя, она помогла мне избавиться от ночной рубашки, а потом — ступить в исходящую паром воду.

Женщина со знанием дела всыпала в подготовленную ванну какие-то цветные порошки, заставив меня флегматично задуматься о своем возможном бесславном конце, если в одной из склянок вдруг окажется яд, но те, растворяясь буквально на глазах, лишь наполнили воздух сладковатой пряностью, а меня — умиротворением. Однако молча млеть в горячей воде было никак нельзя, и потому, позволив женщине пару раз облить мою голову и приняться за мытье волос с помощью местного варианта шампуня, я, лениво приоткрыв один глаз, задала свой первый вопрос:

— А что нового произошло, пока я спала?

Движения пальцев в моих волосах на мгновение замедлились, но практически сразу же возобновились.

— Даже рассказать нечего, госпожа. Вы как ушли в опочивальню, его величество еще немного... мм... поругался, запус-

тил пару кувшинов в стену и тоже ушел в свои покои. Вы бы смилостивились над отцом, ваше высочество...

От одной простой вроде бы фразы я почувствовала переизбыток информации. Мало того что, судя по всему, я была принцессой, так еще и у меня был здесь отец, которого я же вроде как довожу до разбивания посуды о стену.

Я снова прикрыла глаза, размышляя над этим, и вдруг в голове всплыл голос подруги. «Отправная точка в новую жизнь», — кажется, так она говорила. Ну что же... из бухгалтеря в принцессы методом переселения в новое тело — вполне подходит под описание. Я спустилась чуть ниже, чтобы вода покрыла плечи, и задумчиво уставилась на свои ноги у противоположного края бадьи.

Судя по тому, какую ремарку себе позволила служанка, она или была очень близка бывшей обладательнице этого тела, или очень любила моего «батюшку». Попробуем прощупать первый вариант.

— Знаешь, мне приснился сегодня странный сон... И я хочу спросить тебя, только отвечай честно, хорошо? — Увидев в воде кивающее отражение, я продолжила: — Я не права во всех этих ссорах с отцом?

Служанка вздохнула, помрачнела лицом, закусила губу. Я молчала, рассматривая женщину. Наконец она заговорила:

— Госпожа Эвелин, ваш отец очень любит вас, и та судьба, что он для вас выбрал, — не его решение. Мои сыновья служат в королевском полку, вы, может быть, помните их. И они, и все солдаты королевства отдадут жизнь за вас и вашего отца... Только вот Ариман и его войско все равно сильнее. А чего стоит этот дракон, будь он проклят... Если бы вы, простите меня за дерзость, были моей дочерью, я бы велела вам бежать, но вы же не простая девушка, вы — принцесса. И решение выдать вас замуж за Аримана далось его величеству очень тяжело.

Я молчала, сосредоточенно рассматривая борт бадьи и уже отчаянно желая вернуться домой: пусть я никогда не стану финансовым директором, пусть я умру старой девой в окружении сорока котов, но попасть в тело принцессы какого-то королевства, которую выдают замуж за соседа-завоевателя, — это очень сомнительная удача! Тяжело вздохнув, я решительно сжала под водой кулачки: не имею понятия, что за цаца бы-

ла предыдущая обладательница этого тела, но пока я в нем — никаких морганатических браков не будет, если я не пойму, что иного выхода нет.

Мимоходом я отметила, что служанка назвала меня Эвелин, и мысли сразу скакнули к дорогой подруге (а подруге ли?), которая всю жизнь величала меня Эвой. Получается, она это все предвидела, что ли? Или, может быть, была знакома с настоящей принцессой? Вопросов к Ольге становилось все больше, но я, понимая, что задавать их сейчас просто некому, да и не это меня сейчас должно было волновать, задвинула их куда подальше, до лучших времен.

Итак. Я — принцесса. Эвелин кто-то там. Какого-то там королевства, которое, судя по всему, настолько мало, бедно, неудачливо — подчеркните нужное, что у него под боком воинственный сосед, с которым это самое королевство не может справиться, а он еще имеет ручную и, поди, огнедышащую ящерицу. И я должна выйти за него замуж, очевидно, чтобы это королевство избежало войны. За какого-то там Аримана, чтоб ему коты в тапки гадили. Пре-вос-ход-но! Кажется, я понимаю, почему у Эвелин не ладятся отношения с отцом — видимо, моя предшественница была не в восторге от этого расклада так же, как и я.

Внезапно вставший перед глазами осколок кошмара заставил меня вздрогнуть. Раз уж тут есть магия и драконы, значит — и та змееглазая гостья из кошмара вполне могла существовать. Жаль, что я не видела ее лица, хотя, кто знает, может быть, тут и лицо можно магией поменять и вообще бог весть знает, что сделать еще...

Чувствуя подступающую панику, я запустила пальцы в волосы, перехватив эстафету у служанки, и попыталась составить план действий на ближайший день.

Для начала мне надо было выяснить, как все-таки зовут мою фею пушистого полотенца и душистого мыла. Потом ознакомиться с географией королевства в частности и мира в целом. Желательно также успеть перехватить где-то хотя бы совсем базовые знания о магии, а еще — об этикете, принятом в этих краях.

Я, отпустив многострадальные волосы, сползла в бадью еще глубже, опуская в воду намыленную чем-то пенистым

макушку, и некоторое время созерцала «умный» светильник, который оказался не умным, а, видимо, магическим. Ловкие руки служанки разбирали длинные пряди, промывая их от пены, а я бездумно пялилась в потолок, пытаюсь собрать мысли в кучу.

Здесь у меня есть отец. Он, конечно, и так у меня был, только вот я его почти не помнила. Только те светлые детские воспоминания о колючей щетине, терпком запахе табака, сладостях, которые он, кадровый военный, откуда-то умел доставать, и сильных руках, подбрасывающих меня к потолку и неизменно раз за разом ловящих. Когда я стала старше, мама рассказала мне, что отец погиб при исполнении, когда мне было три года. Дома был альбом с фотографиями, шкатулка с его наградами. После него мама так и не вышла замуж, хотя я точно знала, что предложения поступали — она была статной, красивой женщиной, которую не сломила ни смерть мужа, ни мои подростковые выходки. Я почувствовала, как у меня предательски защипало в глазах, и, набрав воздуха в грудь, зажмурилась, окунаясь в воду с головой.

Как же ты там, мамочка? Что стало со мной в моем родном мире и как это отразится на тебе? Ты же сразу поймешь, что со мной что-то не так, я же знаю.

Вынырнув, я вытерла лицо ладонями, а потом глубоко вдохнула, приняв единственно верное, как мне показалось, решение.

— Я хочу одеться и прогуляться по замку, пока все спят. А потом поговорить с отцом. — Женщина за моей спиной вздохнула, и я, повернувшись в бадье, посмотрела ей в лицо. — Просто поговорить. Мне... — Я задумалась на мгновение, а потом решила, что вдохновенно соврать, еще и прислуге, чтобы нужный мне слух разнесся максимально быстро, вполне неплохая мысль. — Мне был сон. Я видела женщину, облаченную в белые одежды, она сияла, как солнце, только я не разглядела ее лицо. Она сказала мне, что выход есть из любой ситуации. И что я должна быть сильной перед лицом опасности и верить в близких людей, которые окружают меня...

Я замолкла, смотря на то, как по лицу сидящей рядом с бадьей женщины начинают катиться слезы. Она казалась од-

новременно просветленной и одухотворенной после моих слов, и при этом — горюющей.

— Вы говорите, как говорила ваша мать, да хранит ее вечность. Я думаю, что это ее светлый дух пришел вселить в вас надежду, госпожа.

А мать в этом мире у меня, видимо, мертва. Я ощутила укол вины за такое вранье, но отступать было некуда, да и реакция служанки только играла мне на руку.

Молча кивнув и встав из воды, я ступила на постеленный под ноги коврик. Все еще безымянная для меня женщина шустро принялась растирать меня полотенцем, а я стояла, обдуывая свой план.

Всю нужную информацию мне мог дать сразу один человек — мой потенциальный отец. Оставалось только надеяться, что я смогу объяснить ему, что произошло, в меру своего скромного понимания ситуации, и верить, что родительские чувства не дадут ему вызвать какую-нибудь инквизицию (надеюсь, ее тут нет вообще) с приказом вытравить поганого демона из тела дочери.

Погрузившись в мысли, я очнулась только тогда, когда служанка, достав из переднего кармана фартука гребень, принялась прочесывать теперь уже мои длиннющие волосы, которые к тому же еще и вились, благо крупными завитками.

— Что пожелаете надеть?

— Не важно. — Заметив легкое замешательство моей помощницы, я поняла, что настоящая принцесса, очевидно, была весьма придирчива к костюму. — После того как мне явилась мама, я поняла, что все, что меня волновало до этого момента, — детские глупости. Не важно, во что я одета, главное, кто я есть на самом деле.

А на самом деле я — чужачка, самозванка и бухгалтер. И мне придется над этим поработать.

Снова просветлев лицом, женщина с головой зарылась в стоящий у правой стены массивный шкаф, и через миг на кровать упали два платья: одно, кажется, из шелка цвета слоновой кости, а второе — значительно роскошнее на вид, лазурное, с золотым шитьем. «Верхнее и нижнее платье, — быстро сообразила я. — Только бы у них не было этой проклятущей моды на утягивание корсетами!»

Мне повезло, корсеты еще явно не пришли в этот мир или же миновали именно мой гардероб, но идеально сидящее по фигуре платье лишь немного стесняло движения, плотно обхватывая меня от талии и выше и расходясь свободными юбками от пояса. Не мешая служанке одевать меня, я, стараясь не выражать интереса, ощупала ткань, провела пальцами по вышивке с внутренней стороны и, наконец, посмотрела на себя в еще одно зеркало, большое, выдвинутое женщиной из-за шкафа.

Квадратный вырез горловины, достаточно глубокий, чтобы подчеркнуть грудь, летящие рукава верхнего платья и узкие, с кружевными манжетами, от нижнего. Плотная посадка по телу, на спине и верхней части рукава, от плеча до локтя — шнуровка. Ткань плотная, максимально близкая по качеству к привычным мне материалам и, я была уверена, полностью натуральная. С некоторой опаской сунув ступни в предложенные мне лазурного же цвета атласные туфельки на небольшом каблуке, я с облегчением поняла, что они удобны, словно любимые домашние тапочки.

— Отлично, спасибо, — сдержанно поблагодарила я свою помощницу, и та, присев в реверансе на мгновение, отошла к трюмо, открыла один из боковых ящиков и вытащила алую атласную подушечку с лежащей на ней изящной короной-обручем, усыпанной сапфирами и бриллиантами. Назвалась принцессой — изволь носить!

Я долгим взглядом молча осматривала предложенный мне атрибут нового положения, затем взяла ее аккуратно двумя руками и, возложив себе на голову, бросила взгляд в зеркало. На меня смотрела почти незнакомая мне девушка в поистине королевских одеяниях, с роскошной гривой платиновых волос, крупными локонами ниспадающих на плечи и спину и укрывающих ее почти до пояса, и со сверкающей камнями короной на голове.

В каком-то модном журнале я читала, что каждая женщина внутри — королева. Фраза казалась мне тогда очень циничной: побудь тут королевой, когда у тебя инвентаризация на носу, а надо еще в магазин зайти, картошки домой купить и еды для маминого кота. Но сейчас, смотрясь в зеркало, я чувствовала небывалую уверенность в своих силах, и, что греха

таить, легкая тяжесть короны на голове была удивительно приятной.

Пока я любовалась отражением, расторопная женщина извлекла все из того же трюмо пару колец и браслет, но надеть их на себя я не позволила. Невзирая на их невероятную красоту, я чувствовала, что сейчас будет правильнее придерживаться позиции переосмысляющей все принцессы, и если корона — символ моего положения и ответственности, то от прочих украшений стоит пока отказаться. Тем более что я не хотела походить на разряженную новогоднюю елку — традиция обвешиваться десятком украшений мне всегда претила. Накинув на плечи короткий бело-серебристый меховой плащ, предназначенный для утепления моей чуть более открытой верхней части тела, я в последний раз оглядела комнату.

— Идем, прогуляемся по дворцу, пока все спят. — Позволив себе лукавую улыбку, я пропустила служанку вперед, и она, открыв дверь, выпустила меня в коридор.

Я не могла пока судить о размерах места, где оказалась: окна были закрыты слюдой, через которую рассмотреть хоть что-то было невозможно. Ну... зато не дуло, вернее — дуло не так сильно, как могло бы. Я ногами ощущала прохладный сквознячок, что скользил у самого пола, но пока дискомфорта это не доставляло. В молчании мы шли мимо стоящих возле стен стражников, и только понимание того, что плакала моя легенда, если я начну разглядывать их дивные доспехи, заставляло меня с каменным выражением лица двигаться дальше по коридору. А посмотреть было на что: невероятные доспехи, словно взятые из фэнтезийного кино про высокомерных эльфов, сочетались с тяжелыми суконными плащами и серым, похожим на волчий, мехом. Скользя периодически взглядом по лицам стражи, я иногда замечала их взгляды: кто-то смотрел с сочувствием, кто-то — делано равнодушно, а кто-то откровенно с насмешкой. Да уж, принцесса явно оторвалась по полной в своем протесте замужеству. Ой, не с той стороны ты воевала, глупая, а мне теперь разбираться, репутацию восстанавливать, любовь народа снискивать...

Из коридора мы вышли в просторный зал, увешанный портретами различных дворян, чьи лица мне были незнакомы, но стоило моему взгляду дойти до двух самых крупных

картин, как я почувствовала вставший в горле ком. Из-под полупрозрачной белой вуали, что прикрывала самый верх полотна, на меня смотрела мама. Молодая, как на черно-белых фотографиях из ее студенческой юности, коронованная, в роскошном платье, сверкающая драгоценностями даже с картины. Я подошла ближе, не отводя взгляда от портрета. Магия в этом виновата или художник был настолько мастером, но мне казалось, что она смотрела на меня своими мудрыми, добрыми глазами, словно бы упрасывая быть добрее к человеку, чей портрет висел по левую сторону. Это лицо я тоже знала, хоть мне и потребовалось какое-то время, чтобы вытащить его из памяти. Фотографий отца было немного, и на большинстве он был с бородой, пусть не длинной, но порядочно меняющей его облик. А на портрете рядом он был чисто выбрит, с уложенными под корону-обруч волосами, и его глаза так же, как глаза матери, будто следили за мной, строго вопрошая, что же достойного я совершила в недавнее время...

Служанка молчала, не решаясь прервать мой молчаливый диалог с портретами. А я рассматривала своих-чужих родителей, горько дивясь тому, в какие жестокие игры с нами, мной и моей предшественницей, играет судьба. Мы обе потеряли когда-то тех, кто был нам близок, и обречем их только в обмен на новую потерю. Думала ли принцесса об этом, когда просила помощи через отражение? Просила ли она вообще этой помощи или все — случайное стечение обстоятельств?

Ответов на эти вопросы у меня не было, но в душе теперь появился огонек надежды — найти общий язык с человеком, который не был мне чужим ни по одну сторону зеркала.

Отвернувшись, я резко вздохнула и кивнула замеревшей женщине:

— Пойдем к отцу. Иди вперед, пожалуйста, я не хочу оставаться одна, но мне нужно подумать.

Моя проводница кивнула и повела меня дальше по коридорам, а я подбирала правильные слова для разговора с «отцом».

Здравствуйте, вы думаете, что знаете меня, но на самом деле... Нет, бред. Привет, папа, я тут подумала и передумала... Нет, тоже чушь. Если он хорошо знал свою дочь, то быстро раскусит, что с его роднучкой что-то не так, и кто знает, что

он после этого сделает. Привет, я пришла поговорить... Хм, уже лучше. По крайней мере, начало весьма нейтральное, если он, конечно, не начнет в меня кидаться тяжелыми предметами после вчерашней ссоры, которую напоследок учудила принцесса.

Мы подходили к высоким массивным дверям, возле которых стояла стража. Заметив меня, они вытянулись по струнке, переглянулись, видимо озадачившись тем, что же их принцессе потребовалось от короля в столь ранний час, но промолчали и не стали меня задерживать. Войдя в зал, судя по обстановке, являющимся кабинетом, я отпустила служанку, подкинула полено в еще тлеющий камин, сняла свой меховой плащ и, повесив его на спинку кресла, принялась осматриваться.

Книги, множество книг. Стеллажи стояли практически вдоль всех стен, и, водя пальцами по корешкам, я машинально отметив, что навык чтения у меня также присутствует, поняла, что ни пылинки на них нет. За книгами следили, и более того, это были не просто книги, а в большинстве своем учебники и финансовые отчеты. Я вытянула один том наобум с ближайшей, до конца заполненной полки и, немного пролистав, открыла.

Отчеты за этот месяц.

Мой разум привычно хватался за цифры, я, опустившись в кресло за королевским столом, положила рукопись перед собой, вытянула чистый лист бумаги из стопки, лежавшей на краю, и, пошарив взглядом по столешнице, обнаружила угольные палочки и перо с чернильницей. Решив, что до пера еще морально не доросла, я взяла в руки импровизированный карандаш и принялась за то, чем занималась последние несколько лет — за сведение дебета с кредитом. Эти простые вычисления помогали мне отвлечься и упорядочить мысли, я даже надеялась, что, механически сверяя полученные цифры, придумаю, как построить предстоящий диалог, но чем дальше я углублялась в расчеты, тем больший хаос творился в моей голове. В конце концов я откинулась на спинку кресла, смотря в этот раннесредневековый гроссбух и ощущая сосущий под лопаткой червячок страха.

Судя по этим отчетам, королевство было не просто бедным, оно уже давно не имело средств к существованию. День-

ги каждый раз вносились со стороны, причем — в книге не указанной. Мог ли это быть займ от наших «дружелюбных» соседей? Или пожертвования населения? Черт возьми, да не могло быть такого, чтобы королевство являлось настолько убыточным! Тут расходов с гулькин нос, куда все уходило, куда?!

Скрипнув зубами, я, энергично растерев ладонями лицо, снова взялась за расчеты. Потом достала предыдущую книгу, потом еще одну... Цифры сливались в один бесконечный поток, я против воли начала зевать. Еще около часа я боролась со сном, а потом он взял свое: я, сложив руки на стопке исписанных листов, уткнулась в них лбом, планируя подремать часик, а потом продолжить, но этим планам сбыться было не суждено.

Проснувшись, я поняла, что мои плечи укрыты теплым шерстяным платком, а в кресле у тихо потрескивающего камина сидит спиной ко мне мужчина. Из-за его головы выплывали дымные колечки, в комнате стоял отчетливый запах крепкого табака. Корона тускло поблескивала на седых волосах, когда он переворачивал очередной лист, сравнивая его с написанным в книге, что, видимо, вытащил из-под моих рук. Приоткрыв глаза, я наблюдала за тем, кто был моим отцом, пока он вдруг не заговорил:

— Проснулась, значит.

Я, не видя смысла притворяться дальше, подняла голову с рук и кивнула, пытаясь прочистить горло.

— И как это понимать? — Король поднял небольшую кипу исписанных мною листов и повернулся ко мне, чтобы через мгновение засмеяться. Тихо, незлобиво, сразу вызвав у меня желание посмотреться в зеркало.

— Что? — Зеркала под рукой не было, и я осторожно потрогала пальцами лицо, а затем — посмотрела на свою ладонь. Она была покрыта угольными разводами, а я, видимо, только что добавила на лицо новых пятен. — Вот же...

Я покрутила головой в поисках того, чем могла бы вытереть уголь с лица, а король протянул мне свой платок и с улыбкой наблюдал, как я изворачиваюсь, пытаюсь рассмотреть свое чумазое отражение в отполированном до блеска металлическом кувшине.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1</i> , в которой все идет не по плану	5
<i>Глава 2</i> . О вреде пьянства и поспешных решений, а также о переселении душ	21
<i>Глава 3</i> , в которой есть пострадавшие	41
<i>Глава 4</i> . О мышах, молитвах и яблоках	64
<i>Глава 5</i> . О тяжести даров	82
<i>Глава 6</i> . О вместительных сундуках и простых именах	104
<i>Глава 7</i> . О титулах, героях и женихах	118
<i>Глава 8</i> . О котах, чувстве такта и пиратах	136
<i>Глава 9</i> . О культурной апроприации и неуместных улыбках	158
<i>Глава 10</i> . О долгах, куклах и доспехах	180
<i>Глава 11</i> . О детских воспоминаниях и сорока двух монетах	201
<i>Глава 12</i> . О семейных отношениях и карьерном росте	223
<i>Глава 13</i> . О супе, пророчествах и конях	239
<i>Глава 14</i> , в которой что-то кончается, а что-то — начинается...	259